

История

Научная статья
УДК 94(5)
EDN: SRCAFT
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2024-2-113-124>

Бродяжничество в Сибири и борьба с ним в досоветское время

А.А. Сысоев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

Аннотация. В условиях современной трансформации российской государственности закономерно усилилось внимание к проблемам противодействия уголовной преступности. Ключевое значение приобретает исторический опыт. Неслучайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение проявлений различных видов противоправных деяний и способов противодействия им. Объектом исследования являются причины и факторы, обуславливавшие распространение на территории Восточной Сибири бродяжничества, предметом – сопутствующие этому процессу противоправные деяния. Цель исследования заключается в определении причин, содержания, тенденций и закономерностей распространения различных форм противоправных деяний, осуществляемых бродячим населением Восточных окраин Российской Империи. Научная новизна проведенного исследования заключается в анализе динамики и направленности развития противоправных деяний бродячего населения в специфических условиях Восточной Сибири. С самого начала своего освоения Сибирь была неразрывно связана с появлением на ее территориях тех, кто стремился к воле и свободе от окружающей среды. Именно таких социально-нестабильных представителей общества было принято считать бродягами. В дальнейшем бродяжничество распространилось по сибирским территориям параллельно генезису российской пенитенциарии. Практически одновременно с пересыльными партиями институт бродяжничества проникал в самые отдаленные уголки малонаселенного края. Возраставшие с каждым годом темпы ссылки при имеющихся недостатках действовавшей пенитенциарной системы породили феномен массовости бродяжничества, а отсутствие возможностей к легитимному существованию его дальнейшую криминальную профессионализацию. Рациональное, по мнению царских чиновников, решение социальных проблем на территории центральных областей страны обернулось нескончаемым бедствием для ее окраин. Сложные, а подчас и обоюдно опасные отношения бродяг с сибирским населением варьировали от взаимной выгоды до жестокого истребления оппонентов. Оказавшись фактически без поддержки со стороны государства, подвергаясь постоянным рискам, сибиряки выработали определенные способы противодействия и адаптировали свое отношение к этому неизбежному для них злу.

Ключевые слова: бродяги, полиция, население, хищение, убийство, пенитенциарная система, прибыль, Восточная Сибирь, ссылка, преступность, противоправное деяние

Для цитирования: Сысоев А.А. Бродяжничество в Сибири и борьба с ним в досоветское время // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 113–124. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-113-124. EDN: SRCAFT.

History

Original article

Vagrancy in Siberia and its persecution in pre-Soviet times

Alexey A. Sysoev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract. In the context of the modern transformation of the Russian statehood, attention to the problems of countering criminal crime has naturally increased. Historical experience is of key importance. It is no coincidence that over the past decade, the study of manifestations of various types of illegal acts and ways to counteract them has noticeably intensified. The object of the study is the causes and factors that caused the spread of vagrancy in the territory of Eastern Siberia, the subject is the illegal acts accompanying this process. The purpose of the study is to determine the causes, content, trends and patterns of the spread of various forms of illegal acts carried out by the wandering population of the Eastern outskirts of the Russian Empire. The scientific

novelty of the conducted research lies in the analysis of the dynamics and direction of the development of illegal acts of the vagrant population in the specific conditions of Eastern Siberia. From the very beginning of its development, Siberia was inextricably linked with the appearance on its territories of those who aspired to freedom and freedom from the environment. It was these socially unstable representatives of society that were considered to be vagrants. In the future, vagrancy spread across Siberian territories parallel to the genesis of the Russian penitentiary. Almost simultaneously with the transit parties, the institute of vagrancy penetrated into the most remote corners of the sparsely populated region. The rates of exile, which have increased every year with the existing shortcomings of the existing penitentiary system, have given rise to the phenomenon of mass vagrancy, and the lack of opportunities for its legitimate existence has led to its further criminal professionalization. Due to the opinion of Tsarist officials, the rational solution of social problems in the central regions of the country turned into an endless disaster for its outskirts. The vagabonds' complex and sometimes mutually dangerous relations with the Siberian population ranged from mutual benefit to the brutal extermination of opponents. Finding themselves virtually without support from the state, being exposed to constant risk, Siberians have developed certain ways of countering and adapted their attitude to this inevitable evil for them.

Keywords: vagrants, police, population, theft, murder, penitentiary system, profit, Eastern Siberia, exile, crime, illegal act

For citation: Sysoev A.A. (2024) Vagrancy in Siberia and its persecution in pre-Soviet times. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 2. P. 113-124. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-2-113-124. EDN: SRCAFT.

Традиционно феномен бродяжничества рассматривался отечественными исследователями в социальной плоскости как образ жизни беднейших слоев населения. По общепринятому мнению, бродяжничество являлось стремлением к воле и свободе от окружающей среды, желанием быть независимым от нее, а также охотой к перемене мест и желанием удовлетворения своих потребностей (Галай, Черных, 2012. С. 9). Не случайно одни авторы толковых словарей называли бродягами людей, переходящих или переезжающих из места в место без всяких средств доказать настоящее свое состояние или звание, или же упорно от сего отказывающихся¹, другие признавали их скитальцами, кто произвольно, без права и письменного вида, покинул место оседлости, жительства, службы, скитаясь по чужбине².

Известный русский психиатр Павел Иванович Ковалевский характеризовал бродяжничество как особенную склонность к перемене места пребывания. По мнению ученого, оно могло проявляться у людей душевнобольных, дегенератов и у лиц душевнооскуделых (Ковалевский, 1902. С. 97).

В ином качестве воспринимались бродяги на сибирских территориях. «Варнаки» или «чалдоны», как их называло местное население, в подавляющем большинстве случаев являлись беглыми преступниками, скрывающимися с мест причисления и каторжных работ (Максимов, 2002. С. 174). Обще-

ственная опасность от такой категории граждан возрастала многократно. Сибирское бродяжничество, носившее массовый характер уже с начала XIX столетия, оказывало самое непосредственное влияние на многие сферы жизнедеятельности местного населения.

С самого начала освоения, по мнению лидера областнического движения Николая Михайловича Ядринцева, Сибирь представлялась по своим условиям, «превосходным приютом» для бродяжничества. Однако, имея в первоначальный период в своих рядах «искателей приключений» и первопроходцев, сибирское бродяжничество в дальнейшем переродилось в совершенно иную форму – ссыльную. И, как отмечал ученый, приобрело «свой оригинальный характер» (Ядринцев, 1868а. С. 236).

Развиваясь параллельно генезису пенитенциарной системы, бродяжничество распространилось по сибирским территориям практически одновременно с пересыльными партиями, проникая в самые отдаленные уголки малонаселенного края.

На сегодняшний день не существует точных статистических данных о количестве сибирских бродяг. Однако можно с известной долей достоверности утверждать то, что их число коррелировало с теми осужденными преступниками, которые бежали с мест каторги и водворения, а следовательно, в определенной пропорции с общим числом отбывающих наказание в Сибири. Н.М. Ядринцев писал по этому поводу, что ссылка наводнила Сибирь людьми, шедшими по неволе, большей частью без семейства, крайне предубеж-

¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1897. Полут. 8. С. 695.

² Толковый словарь живого великорусского языка. Том первый А–З. СПб.М., 1880. С. 131.

денными против здешней жизни, безнравственными и малоспособными к труду. По мнению ученого, именно эта пенитенциарная традиция во внутренней политике самодержавия увеличивала бродяжничество в поразительных размерах (Ядринцев, 1868а. С. 240).

Ориентируясь на известные данные о количестве сосланных в Сибирь в начале XIX столетия, можно говорить о том, что с 1807 по 1812 г. из Европейской России было перемещено 10 175 чел., в 1817 г. – 3 138 чел., в 1823 г. – 6 667 чел., с 1824 по 1826 г. – 33 348 чел., с 1827 по 1836 г. – 83 555 чел. и с 1837 по 1846 г. – 76 200 чел (Анучин, 1866. С. 16). К середине XIX столетия на сибирских территориях по официальной статистике находилось 186 883 сосланных³.

Заслуживали особое внимание категории сосланных. За период с 1827 по 1846 г., по сведениям Н.М. Ядринцева, в Сибирь из центральных областей Империи было возвращено 18328 беглых (Ядринцев, 1892. С. 267). Всего же в течение указанного времени, по данным Евгения Николаевича Анучина, доля высланных за бродяжничество от общего количества сосланных составила 48 % или 48556 человек (Серошевский, 1908. С. 226).

Во второй половине XIX столетия темпы ссылки существенно возросли. С 1852 по 1868 г. в Сибирь было перемещено уже 150 000 чел (Ядринцев, 1868а. С. 240). К 1898 г. на территории восточных окраин Империи находилось около 298 577 чел. Всего же в течение XIX столетия, по подсчетам отечественных исследователей, количество сосланных составляло от 864 549 (Саломон, 1900. С. 133) до 876 500 чел. (Мионов, 2000. С. 32). Такое количество сосланных, по мнению современного исследователя уголовной ссылки Александра Александровича Иванова, намного превышало число потенциальных рабочих мест. В связи с чем, считает автор, они исправно пополняли ряды сибирских бродяг (Иванов, 2013. С. 28).

Возраставшие с каждым годом темпы ссылки при имеющихся недостатках действовавшей пенитенциарной системы порождали массовое бегство

осужденных. Причем побегии начинались еще до начала отбывания наказаний. Благодаря упущениям конвойных команд массовый уход осужденных происходил уже при следовании сосланных партий. По сведениям Н.М. Ядринцева, в первой половине XIX столетия только с этапа бежало порядка 1/6 преступников (Ядринцев, 1892. С. 267).

На месте водворения 90–95 % сосланных, по мнению А.А. Иванова, продавали казенную одежду и шли кто куда. Александр Александрович утверждает, что значительная часть их оставалась в уездных центрах, где собиралась в шайки и жила на подаяние (Иванов, 2013. С. 28).

Не лучше ситуация складывалась в местах каторги. По сведениям начальника Главного тюремного управления Александра Петровича Саломона, с 1828 по 1833 г. из Каменского винокуренного и Троицкого солеваренного заводов, располагавшихся в Енисейской губернии, бежало 259 из 285 осужденных, и 290 из 680 чел. соответственно (Саломон, 1900. С. 29). При ревизии Нерчинского завода в 1851 г. оказалось, что из 3992 каторжных на месте находилось лишь 1127 осужденных, то есть только 28,2 % от общего количества осужденных преступников (Шелгунов, 1871. С. 296). Еще большее количество побегов было совершено из Иркутского солеваренного завода, откуда в период с 1860 по 1870 г. скрылось около 90 % каторжников (Ядринцев, 1892. С. 262, 269). В среднем же, по сведениям выдающегося отечественного юриста Дмитрия Андреевича Дриля, во второй половине XIX столетия каждое десятилетия с каторжных заводов Сибири бежало около 12929 чел. (Дриль, 1899. С. 12).

Таким образом, только по официальной статистике к началу XX столетия в Восточной Сибири насчитывалось 45610 беглых преступников, что составляло от общего количества осужденных около 32 % (Марголис, 1975. С. 229, 231).

Достаточно быстро явление побегов с мест каторги и ссылки приобрело рецидивный характер (Сысоев, 2019. С. 177). Во многих случаях сосланный за время отбывания наказания совершал по 5–6 побегов (Максимов, 2002. С. 199). Н.М. Ядринцев в своей работе указывает на 75-летнего старика, который сумел совершить 18 побегов (Ядринцев, 1872. С. 372).

³ Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером. Ч. 2. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е. И. Вел. канцелярии, 1854. С. 66.

В конечном итоге ссылка, побеги и следовавшее за этим бродяжничество образовывали в жизни осужденных преступников единый замкнутый цикл и, как утверждал Н.М. Ядринцев, «составляли вечный круговорот ссылки» (Ядринцев, 1872. С. 618).

Таким образом, исходя из статистических сведений о сосланных и тех, кто скрывался с мест отбывания наказания, можно говорить о нескольких тысячах сибирских бродяг в начале XIX столетия, нескольких десятках тысяч в середине и 50–60 тысячах в его завершении. При этом наибольшая их концентрация наблюдалась на территориях Иркутской и Енисейской губерний. Только около губернской столицы – Иркутска, по наблюдениям Н.М. Ядринцева, в 1864 г. зимовало до 4000 бродяг (Ядринцев, 1872. С. 241). По иронии судьбы именно столица Восточной Сибири – сосредоточение административной власти и экономической жизни региона оказалась самым желанным местом пребывания беглых преступников. По сведениям известного исследователя сибирской ссылки Сергея Васильевича Максимова, в окрестностях Иркутска бродяги обзаводились поддельными документами и набирались сил перед дальнейшими странствиями (Максимов, 2002. С. 228).

На фоне прогрессирующего бродяжничества в Сибири на территории Европейской России происходило его неуклонное сокращение. Об этом пишет современный исследователь Юрий Григорьевич Галай. По мнению ученого, к концу 60-х годов количество бродяг в стране стало ежегодно сокращаться. В частности, по данным ученого в период с 1860 по 1867 г. количество обвиненных по суду за бродяжничество сократилось почти в два раза с 8125 до 4530 чел. (Галай, Черных, 2012. С. 72).

Таким образом, к 70-м годам XIX столетия на большей части Империи сложились условия для устойчивого снижения зарегистрированных случаев бродяжничества. В немалой степени этому способствовала пенитенциарная политика самодержавия, направленная на перемещение бродячего населения к восточным окраинам государства.

«Чинить жестокое наказание, бить кнутом по торгам и ссылать в Сибирь на житье на Лену» за самовольное оставление своего места жительства московских и городских посадских тягловых людей

стали уже во второй половине XVII столетия⁴. В дальнейшем практика перемещения бродяг на сибирские территории получила обширную и разноплановую практику.

Сенатский указ от 16 июля 1729 г. предусматривал в качестве альтернативы военной службе беглым и бродягам, «ежели никто не примет, оных посылать для поселения в Сибирь, дабы через то шатающихся и праздных без дел и без платежа подушных денег ни кого не было»⁵.

Указ от 13 декабря 1760 г. «О приеме в Сибирь на поселение крестьян, с зачетом их за рекрут» предоставлял право помещикам и «каждой волости, села или деревни выборным и старостам» приговаривать к ссылке «непотребных и вредных обществу людей»⁶.

Отсутствие возможности размещения бродяг в крепостях послужило причиной принятия 11 июля 1821 г. решения «О прекращении отсылки преступников в крепости и обращении оных в Сибирь»⁷.

23 февраля 1823 года по представлению главнокомандующего 1-й армией генерала от инфантерии графа Ф.В. Остен-Сакена был принят закон «Об отсылке в Сибирь на поселение бродяг и преступников, вместо отдачи их в военную службу и крепостные работы». По уже сложившейся практике, сенаторы решили «дабы сколько можно пресечь столь вредное бродяжничество... бродяг отсылаемых в крепость для работ, или обращаемых в военную службу отправлять в Сибирь»⁸. В принятых 22 марта 1828 г. дополнениях к закону оговаривалось, что ссылаемые в Сибирь бродяги лишались права на трехлетнюю льготу для поселенцев и по истечении двух лет поступали в разряд ссыльных навсегда остающихся в Сибири»⁹.

В окончательном варианте практика ссылки бродячего населения была сформулирована в 1845 году Уложением о наказаниях уголовных исправительных. По смыслу ст. 1177 Уложения бродяги годные к службе и работам могли отдаваться в солдаты либо в арестантские роты. В случае же непригодности по здоровью они подлежали, по

⁴ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 1. С. 111.

⁵ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 8. С. 215.

⁶ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 15. С. 582.

⁷ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 37. С. 770.

⁸ ПСЗРИ: [Собрание 1-е]. СПб., 1830. Т. 38. С. 792.

⁹ ПСЗРИ: [Собрание 2-е]. СПб., 1830. Т. 3. С. 326.

решению министерства внутренних дел, поселению за Кавказ или в Сибирскую губернию¹⁰.

Таким образом, основным критерием высылки бродяг в Сибирь стали их намерение в сокрытии личности и «негодность» к воинской службе и работам. Этим требованием законодатель предопределил появление на сибирских территориях людей, не способных к легитимному существованию и перешел к их механическому перемещению из метрополии к окраинам. Наряду с опосредованным насыщением бродячим населением сибирских территорий из-за массового бегства осужденных преступников, правительство все чаще прибегало к прямому перемещению бродяг на малообжитые территории.

Конкретизируя в новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года место водворения бродяг, как Восточную Сибирь, законодатель признавал, что «наказание, налагаемое за бродяжничество составляет совершенно особый вид, состоящий отдельно от общей лестницы наказаний» и определял такую ссылку пожизненной¹¹.

Примечательно, что даже после принятия 12 июня 1900 г. закона «Об отмене ссылки на жительство и ограничении ссылки на поселение по суду и по приговорам общественным» в отношении государства к бродячему населению не произошло каких либо значимых изменений¹². Издаваемые в последующем нормативно-правовые акты лишь подтверждали приверженность Самодержавия к политике выдворения бродяг за пределы «цивилизованной» зоны.

По проекту Уголовного уложения 1903 г. предполагалось, что каждый «виновный в праздности, отказывающийся удостоверить свою личность, за сие бродяжничество, если личность осталась не обнаруженной» после отбывания за-

ключения в исправительном доме должен ссылаться на о. Сахалин¹³.

В очередной редакции Устава о ссыльных, увидевшей свет в 1909 году, уже оговаривалось, что бродяги после отбывания наказания в исправительных арестантских отделениях или в тюрьмах, должны отправляться в Якутскую область. При этом законодатель разделял ссыльных на каторжных, ссыльнопоселенцев и бродяг. Срок пребывания последних в ссылке ограничивался 10 годами с правом перечисляться в крестьяне¹⁴.

Утвержденный 24 апреля 1911 г. закон «Об изменении действующих постановлений об ответственности за бродяжничество» не только пролонгировал практику высылки бродяг, но и конкретизировал места их водворения на каждые три года. По представлению министров юстиции и внутренних дел советом министров на указанное время определялись отдельные местности для их водворения. Как правило, ссылка бродяг осуществлялась в Якутскую область, Иркутскую или Красноярскую губернии (Часть официальная // Иркутские губернские ведомости (Иркутск). 1914. № 5753. 28 января. С. 1).

В результате, и в начале XX столетия, правительство Самодержавия продолжило практику перемещения нестабильных и опасных элементов российского общества к окраинам государства. Рациональное, по мнению царских чиновников, решение социальных проблем на территории центральных областей страны обернулось нескончаемым бедствием для ее окраин. Сибирское общество, ежечасно на протяжении многих десятилетий сталкивающееся с пагубным воздействием отечественной пенитенциарии, находилось все это время в глубоком социальном кризисе.

Возмущенные подобной системой гласные Иркутской городской Думы сравнивали Прибайкалье с каналом, в который спускались всякие нечистоты в виде каторжников и ссыльных (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25.

¹⁰ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. С. 486.

¹¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С.Н. Таганцевым. 9-е изд., пересмотр. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. С. 489.

¹² ПСЗРИ. [Собрание 3-е]. СПб., 1902. Т. 20. С. 757.

¹³ Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: С прил. предм. алф. указ. СПб., 1903. С. 100.

¹⁴ Устав о ссыльных (по изданию 1909 года): С разъяснениями Правительствующего сената с алф. предмет. указ. и с прил. извлеч. из правил о предоставлении льгот ссыльным / сост. Л.И. Марколла. 2-е изд., перераб., испр. и доп. Иркутск, 1911. С. 1. (173 с.).

Оп. 10. Д. 114. Л. 82). По образному выражению этнографа Вацлава Леопольдовича Серошевского, «русской государственностью был проделан громадный карательно-исправительный опыт, стоящий миллионы денег, реки слез и море крови». При этом истинным «бичом Сибири, стоящим населению громадных денег», – автор называл именно бродяжничество (Серошевский, 1908. С. 226). Только по приблизительным оценкам Н.М. Ядринцева, ежегодный совокупный убыток от бродяг для сибирского населения в 60-х годах XIX столетия составлял до 2 960 000 руб. (Ядринцев, 1892. С. 293).

В отличие от простых бродяг, как писали современники, «личностей безвредных, не ссыльных, не осторожных жителей и не преступников, а только беспаспортных людей» (Ядринцев, 1868b. С. 108), бродяги сибирские в своей основной массе являлись преступниками, неоднократно преступавшими закон и отвергнутыми обществом. Беспросветность ссыльного бытия и фактическое отсутствие возможности легитимного возвращения к прежней жизни порождали питательную среду сибирского бродяжничества – призрачную возможность обрести свободу, заключавшуюся в побеге.

Значительные сроки отбывания наказания, подчас исчислявшиеся для осужденных 30–40 годами, не оставляли для последних иной альтернативы как совершение побега. «Чем строже наказание и долготнее срок работ, тем более шансов к побегу – это закон выработанный жизнью бродяжничества», – отмечал по этому поводу Н.М. Ядринцев. Именно так, по мнению ученого, в Сибири «образовывались вечные бродяги» (Ядринцев, 1868a. С. 244).

С самой ранней весны, отмечали местные публицисты, сибирский путь наводняли бродяги (Шелгунов, 1871. С. 294). В стремлении уйти как можно дальше от мест отбывания наказания бродяги сбивались группами по 10, 20, а иногда и по 40 человек. Удаляясь от каторжных заводов и мест ссылки, беглецы преодолевали забайкальские степи, озеро Байкал, проходили через Иркутскую и Енисейскую губернии. При этом, как вспоминали очевидцы тех событий, «обдерганных, почернелых бродяг... шедших массами по дорогам и по деревням в арестантских халатах с тузами, иногда с бритыми головами... ни кто не останавливал» (Ядринцев, 1868b. С. 70).

Сложные, а подчас и обоюдно опасные отношения бродяг с сибирским населением складывались многие десятилетия при фактическом бездействии властей и варьировали от взаимной выгоды до жестокого истребления оппонентов. И если в условиях крупных административных центров полиции удавалось обеспечивать относительную безопасность обывателей за счет привлечения военных (Сысоев, Кавецкий, 2014. С. 115), то сельские жители оставались с проблемой бродяжничества один на один. Причем в некоторых случаях крестьяне оказывались в явном меньшинстве. Так, например, по сведениям писарей Черемховской волости, на 3000 местных крестьян приходилось 5000 поселенцев, более 90 % из которых вели бродячий образ жизни (Ядринцев, 1868a. С. 264).

Характеризуя сложившуюся ситуацию, современники тех событий отмечали, крайне негативное воздействие бродячего населения на хозяйственную деятельность сибирского крестьянства. Массовые хищения продуктов и порча инвентаря разоряли хозяйства и приводили к упадку сельскохозяйственную деятельность. При появлении бродяг, писал Н.М. Ядринцев, «на крестьянство обрушиваются тучи преступлений... воровство так постоянно и так громадно, что влияет на благосостояние крестьян, часто лишаящихся чрез увод бродягами последней скотины, даже возможности дальнейшего существования» (Ядринцев, 1868b. С. 108).

В особом положении оказалось наиболее уязвимая часть крестьянского населения – женщины. Угрозы насилия и расправы со стороны беглых преступников были более чем реальны. По свидетельству очевидцев тех событий, «бродяги часто умышляют женщин, жен и дочерей крестьянских с пашен и из лесу, производили на дорогах нападения и насилия над ними» (Ядринцев, 1868b. С. 108).

Изначально, оказавшись фактически без поддержки со стороны государства, подвергаясь постоянным рискам, сибиряки выработали определенные способы противодействия и адаптировали свое отношение к этому неизбежному для них злу. Одни предпочитали пассивную защиту – давали кров и оставляли пищу в надежде на благосклонность бродяг. Другие действовали более активно – убивали при малейшей попытке нарушения бродягами установленных крестьянской общиной порядков. Третьи использовали бродяг в качестве наем-

ных рабочих. Были и те, кто в виде промысла убивал бродяг для наживы (Сысоев, 2022. С. 153).

В результате у избегавших ненасильственных действий забайкальских крестьян, по сведениям современного исследователя Татьяны Анатольевны Катциной, «существовал обычай оставлять омулей» (Катцина, 2010. С. 5). В Иркутской губернии на заимках выкладывали хлебные и мясные припасы, на Барабе, – молоко и хлеб.

Зажиточные крестьяне охотно использовали бродяг на сезонных работах. Сибирское крестьянство, по мнению Н.М. Ядринцева, любило такой труд потому, что он был дешев. Особенно помощь бродяг была востребована в страду и на покосе. Во время страды крестьяне охотно нанимали по 5–10 бродяг. Наиболее часто практика сезонного найма применялась в отдаленных местностях, вдалеке от трактов. При этом, как отмечали современники, «условия труда бродяги-работника были очень незавидны» (Ядринцев, 1868b. С. 74). В отличие от вольных работников нелегитимный труд бродяг оплачивался гораздо ниже. В некоторых случаях их выгоняли без оплаты, а иногда расплачивались удавкой или пулей. Не случайно, в публикациях тех лет отмечалось большое количество неизвестно кому принадлежащих трупов с огнестрельными ранами или с веревкой на шее, обнаруживаемых в сельской местности (Дриль, 1899. С. 166).

Особой беспощадностью по отношению к бродягам славились забайкальские буряты, истреблявшие их только за бедный скарб. В итоге полное отсутствие контроля со стороны государства за бродячим населением, по мнению Н.М. Ядринцева, послужило причиной возникновения специфического промысла – охоты за бродягами и ограбление убитых (Ядринцев, 1868b. С. 113). Современники рассказывали, что «между бурятами водятся такие молодцы, которые целью своей жизни поставляют охоту за горбачами (бродяга с котомкой за спиной – авт.)» (Литовицын, 1909. С. 29).

Выбирая между наградой за живого беглеца, составлявшей 3 рубля серебром, и возможностью ограбления имущества убитого, охотники выбирали последнее, как более выгодное. При этом жизнь оказавшихся вне закона бродяг в расчет не принималась. Ценилась лишь нажива, полученная от ограбленного имущества. Зачастую в стремлении к

подобному обогащению приводило к появлению охотников, истребивших несколько десятков бродяг. Об одном из таких охотников за головами, «считавшем на своей совести до ста человек», писал С.В. Максимов (Максимов, 1871. С. 75). Были и те, кто убивал по 60, 90 и более человек (Сысоев, 2022. С. 153). Сохранилась поговорка, бытовавшая среди инородцев: «Худенький беглый лучше доброй козы.... с козули снимешь одну шкуру, а с беглого две или три» (Литовицын, 1909. С. 29).

Только в течение одного года в середине 60-х на территории Иркутской губернии было обнаружено 55 неизвестных тел. Таким образом, сибирское крестьянство не только обеспечивало свою личную и имущественную безопасность, но и пыталось управлять бродячим населением, террором принуждая к порядку. Подобные методы борьбы привели к тому, что, по сведениям Н.М. Ядринцева, во второй половине XIX в. было уничтожено до 2/3 бродячего населения Сибири (Ядринцев, 1892. С. 189). Сами бродяги, наученные горьким опытом, говорили: «Пронзительный этот сибиряк... убить ему ничего за всякую малость, только бы обобрать у кого деньги, а то и одежкой бродяжеской не брезгают» (Дриль, 1899. С. 166). При этом, по общему мнению, наводнение Сибири ссыльными оказалось настолько велико, что как ни сильно было развито истребление бродяг, уничтожить их крестьянство было не в состоянии (Ядринцев, 1868b. С. 113).

Будучи жестоко отвергнутыми сибирским обществом, гонимые и при первой возможности обиравые, беззащитные перед произволом местных жителей, бродяги отвечали им с не меньшей жестокостью и цинизмом.

Особые условия, в которых многие поколения бродяг пытались выжить и улучшить свое положение, породили в их среде своеобразную «корпорацию», распространявшую, по мнению корреспондентов журнала «Современник», нравственную заразу (Соколов, 1863. С. 104). Эта структура, писал Н.М. Ядринцев, «обладала не только своими нравами, обычаями и преданиями, но и своим законодательством» (Ядринцев, 1868a. С. 241). По сути, произошла самоорганизация бродячего населения в наиболее жизнеспособную форму. Николай Михайлович утверждал, что в стремлении «обеспечить свою безопасность бродяги создали свое соб-

ственное гражданское общество, каждый член которого был обязан исполнять его устав... общество имело право контролировать, судить и наказывать» (Ядринцев, 1868b. С. 73).

В результате, даже пребывая в заключении бродяги не смешивались с другими арестантами. Они предпочитали общение с себе подобными. Жили в своей среде, имели собственную администрацию и общую кассу. Своеобразный кодекс поведения предписывал бродягам ставить интересы общины выше всего, не доносить на своих товарищей и не открывать обстоятельства совершенных преступлений. Сложившиеся в бродячей среде стереотипы поведения представляли, по сведениям очевидцев, ужасную бродяжескую пропаганду взглядов и идей, которые отвергали общественные законы, издевались даже над судом собственной совести (На старую тему // Сибирь (Иркутск). 1878. № 16. 21 мая. С. 1). Таким образом, именно в среде сибирского бродячего населения впервые произошло зарождение особой идеологии преступного сообщества, основанной на криминальном образе существования.

В стремлении избежать наказание и легализовать свое существование бродяги выработали специальную систему смены имен. В зависимости от тяжести наказания, которого пытался избежать бродяга, происходила смена имени каторжного на имя ссыльнопоселенца. Последние для получения «чистой биографии» пытались приобрести имя крестьянина или мещанина. Что бы соответствовать «легенде» при подготовке к смене подбирался похожий по росту, возрасту и приметам человек. Бродяга узнавал и заучивал имена его родственников и деревенского начальства.

По воспоминаниям современников, зачастую при такой смене происходил круговой обмен – тот, кто находил выгодное положение под новым именем, сдавал старое имя партнеру, которому оно было выгоднее, чем свое (Ядринцев, 1868b. С. 96). В случае, когда сделка давала ощутимую выгоду, смена имени оплачивалась. При этом цены за наиболее выгодные варианты доходили до 6 руб. Когда же деньги на оплату отсутствовали, владельца подходящего имени могли убить.

Повсеместно и массово используемая в среде бродячего населения смена имен доставляла сибирской полиции значительные проблемы. Отсут-

ствие системы циркулярного розыска, дактилоскопии и судебной фотографии зачастую полностью исключало возможность раскрытия преступлений и идентификации беглых преступников (Сысоев, 2019. С. 179). Сами же бродяги за время своих скитаний последовательно проходили «карьеру» от каторжных до поселенцев, крестьян и солдат. Таким образом, задача установления личности бродяги превращалась в крайне затруднительное, а иногда и безнадежное занятие.

В тех случаях, когда возможность использования чужих имён отсутствовала, в целях сокрытия личности бродяги называли себя «непомнящими». Таких бродяг Н.М. Ядринцев обнаружил только в одной Иркутской тюрьме около 40 человек. В Сибири же, по мнению исследователя, «непомнящих» было очень много... ими являлись часто 70 и 80-летние старцы... кто они такие, где провели жизнь – ничего не было известно» (Ядринцев, 1868b. С. 98).

В таких условиях, при полном отсутствии легитимных способов заработка и богатом криминальном опыте происходила качественная трансформация в самой среде бродячего населения. В середине XIX столетия произошло дифференцирование бродяг по различным направлениям противоправной деятельности. К указанному времени в среде бродячего населения уже существовали профессиональные нищие, воры, мошенники, фальшивомонетки и убийцы.

Нищенство в бродячей конгломерации составляло наиболее привилегированную и многочисленную профессиональную группу. Сами нищие-бродяги называли свою профессию стрельником саватеек (добыванием булок – авт.). В связи с чем сибирские крестьяне называли таких бродяг – саватеешниками.

Однако если бродяги-нищие вызывали у обывателей жалость и усмешку, то бродяги-воры являлись подлинным бедствием для всех крестьянских хозяйств Сибири. Наиболее часто кражам со стороны бродяг подвергались домашний скот и овощи. Не менее охотно преступники разоряли и пасеки. Характеризуя воздействие бродячего населения на хозяйства сибирского крестьянства, современники отмечали их «разрушительный образ действия». Озлобленные не прекращающимися убытками крестьяне упорно пресле-

довали и наказывали бродяг. Однако, как писал Н.М. Ядринцев, «несмотря на то, что расправа сплошь и рядом кончается убийством или жестокими побоями, воровство не уменьшалось» (Ядринцев, 1868b. С. 83).

Помимо воровства бродягами активно использовался обман местного населения в корыстных целях. Мошенничество являлось неотъемлемой частью бродячей жизни. Однако в отличие от иных преступных промыслов, помимо определенных навыков оно требовало проработанной легенды. Фальшивый паспорт в этом отношении являлся важнейшим атрибутом, во многом обеспечивающим успех «дела». В связи с чем в бродячей среде приобретала особое значение криминальная специализация фальшивомонетчиков.

Цена на поддельные документы высокого качества среди бродяг достигала 10–25 руб. Неудивительно, что изготовление поддельных документов наряду с производством фальшивых денег считалось одним из наиболее прибыльных занятий. При такой специализации от бродяг-фальшивомонетчиков требовалось отличное знание граверного мастерства и умение рисовать. Все это с лихвой окупалось не только спросом на фальшивые документы, но и стремлением сибирского населения к производству фальшивых денег. Страсть эта, по воспоминаниям современников, разжигалась бродягами мастерами, предлагающими местному населению свои услуги (Ядринцев, 1868b. С. 91). В результате чего, как писали представители местной прессы, «нигде подделка монеты и особенно ассигнаций не была в таком ходу, как в Сибири» (Ордынский, 1902. С. 65). Профессия изготовления фальшивых денег и документов была настолько выгодна, что по сведениям Н.М. Ядринцева, образовалась довольно значительная отрасль этого производства (Ядринцев, 1868b. С. 91).

Отдельную категорию, главенствующую во всей бродячей среде, представляли каринцы. Выходцы с Нерчинских рудников, наиболее закаленные уголовные преступники бродяги-каринцы славились своей жестокостью и склонностью к совершению убийств. Не знавшие равных среди других бродяг по опасности и решительности, каринцы наводили ужас не только на местное население, но и на своих товарищей по несчастью.

«Не дай Бог встретится с каринцами, – говорили по этому поводу сами бродяги, – своего брата бродягу обируют да бьют... никому не уступят, отчаянные, на все готовы... только ножом и берут» (Ядринцев, 1868b. С. 100). Как правило, любое нападение таких бродяг сопровождалось убийством.

«Ограбил кого, следы хорони... не оставляй своего хвоста на дороге, такой уж закон», – учил своих товарищей каринцев бродяга Коренев (Максимов, 1871. С. 179). Сохранились сведения о бродягах-убийцах, имевших на своем счету 10 и более жертв. О таких рецидивистах, как Капустин и Калина было известно, что только в открытых властям преступлениях, они убили 18 и 19 человек (Ядринцев, 1868b. С. 103). Именно каринцы, как установил С.В. Максимов, являлись наиболее опытными и опасными бродягами (Максимов, 1871. С. 178).

Ответом сибирского общества на появление таких преступников являлось стремление к поголовному уничтожению всех бродяг, вне зависимости от их специализации. Современники утверждали, что явление это носило всеобщий и повсеместный характер, являясь единодушной и согласной оппозицией бродяжеству всего оседлого крестьянства. (Ядринцев, 1868b. С. 113).

Оказавшись перед реальной опасностью со стороны бродячего населения без фактической поддержки правоохранительных структур, сибирское общество выбрало единственное возможное для себя средство противодействия преступности – внесудебную расправу. Быстрый и, как казалось местному населению, справедливый способ наказания выливался в стихийную расправу над виновными без всякого подобия суда и следствия. Зачастую для жестокого наказания провинившихся было достаточно лишь подозрения в том или ином проступке. Со слов очевидцев тех событий, расправы над бродягами за преступления, совершенные в деревнях, совершались незамедлительно, на виду и всем обществом (Ядринцев, 1868b. С. 113).

Единственной и малоэффективной попыткой решения проблемы официальными властями оказались изменение юридического статуса сибирских бродяг и ужесточение наказаний за их противоправные деяния.

В первом случае в отношении бродяг вводилась в действие ст. 816 «Устава о ссыльных», по

смыслу которой, все «непомнящие родства», задерживаемые в Сибири, подлежали наказанию как ссыльнопоселенцы и каторжные, совершившие побег¹⁵. Во втором, к особо опасным представителям бродячего населения применялись юридические нормы военно-уголовного законодательства. Бродяг-убийц судили по законам военного времени.

Однако, как показывала практика, принятие этих мер со стороны государства не оказывало должного влияния ни на крайне низкий уровень личной и имущественной безопасности сибирского крестьянства, ни на образ жизни бродячего населения. Гораздо большее значение имела окраинная политика Самодержавия, менявшая с каждым годом количественный и качественный состав бродяг. С течением времени их число на сибирских территориях только возрастало. В самой же бродячей среде вырабатывались новые эффективные методы противодействия правоохранителям. Широкое использование бродягами поддельных до-

кументов и практика смены имен позволяли им беспрепятственно перемещаться по сибирским территориям и избегать наказания за совершенные преступления. В среде бродячего населения происходила стремительная профессионализация по отдельным видам преступной деятельности. Под влиянием внешних угроз бродяги консолидировались и создавали свое общество на основе особой криминальной идеологии.

Можно с уверенностью говорить о том, что при деятельном участии царской пенитенциарии в Сибири был искусственно создан новый тип бродячего населения. И если бродяжничество старой формации в большинстве своем представляло среду душевнобольных людей, стремившихся к свободе от окружающих, то на сибирских территориях в роли бродяг выступали уже беглые преступники, не имевшие средств к легитимному существованию, обладавшие единой идеологией и сплоченные в совместной противоправной деятельности. При этом наивысшая концентрация бродяг была создана на наиболее удаленных от центра территориях Восточной Сибири, что еще раз подчеркивало особенности окраинной политики Российского Самодержавия.

¹⁵ Устав о ссыльных (изд. 1857 г.) исправленный и дополненный по продолжениям к Своду законов, изданным в 1886, 1887 и 1889 гг. / сост. и изд. пом. сарат. губ. тюрем. инспектора И. Сементовским. Томск, 1890. С. 146.

Список источников

- Анучин Е.Н. Материалы для уголовной статистики России: исследования о проценте ссылаемых в Сибирь. Тобольск : Тип. Тоб. губ. правления, 1866. Ч. 1. 233 с.
- Галай Ю.Г., Черных К.В. Нищенство и бродяжничество в дореволюционной России: законодательные и практические проблемы. Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2012. 151 с. EDN: QSNFGB.
- Дриль Д.А. Ссылка во Франции и России. Из личных наблюдений во время поездки в новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь. СПб. : Л.Ф. Пантелеев, 1899. 174 с.
- Иванов А.А. Уголовная ссылка Иркутской губернии XIX века: численность, структура, занятость // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 5. С. 28. EDN: RPCKXR.
- Катцина Т.А. Уголовная ссылка и проблемы нищенства в сибирском обществе в XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2010. № 3. С. 5–16. EDN: MTIBQD.
- Ковалевский П.И. Нищие духом. СПб. : Издание Русского медицинского вестника, 1902. 116 с.
- Литовицын А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 27–35.

References

- Anuchin E.N. (1866) Materials for criminal statistics of Russia: research on the percentage of exiles to Siberia. Tobolsk : Tip. Tob. gub. pravleniya. Pt. 1. 233 p. (In Russ.).
- Galai Yu.G., Chernykh K.V. (2012) Begging and vagrancy in pre-revolutionary Russia: legislative and practical aspects. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy. 151 p. (In Russ.). EDN: QSNFGB.
- Dril' D.A. (1899) Exile in France and Russia. From personal observations during a trip to New Caledonia, Sakhalin Island, the Amur Region and Siberia. St. Petersburg: L.F. Panteleev. 174 p. (In Russ.).
- Ivanov A.A. (2013) Exiled criminals in Irkutsk governorate in the XIX century: number, structure of the system, employment. *Izvestiya Irkutsk State Economic Academy*. No. 5. P. 28. (In Russ.). EDN: RPCKXR.
- Kattsina T.A. (2010) Criminal exile and problems of begging in Siberian society in the XIXth - early XXth century. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. History of Russia*. No. 3. P. 5-16. (In Russ.). EDN: MTIBQD.
- Kovalevskii P.I. (1902) The poor in spirit. St. Petersburg: Russian Medical Bulletin. 116 p. (In Russ.).
- Litovitsyn A. (1909) Siberian morals and crimes. *Siberian questions*. No. 43. P. 27-35. (In Russ.).

Максимов С.В. Каторга империи. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. Сер. Архив русского сыска. 478 с.

Максимов С.В. Сибирь и каторга: В 3-х ч. Ч. 1–3. СПб. : А. Траншеля, 1871. Ч. 3. Политические и государственные преступники. [4], 388, IV с.

Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири конца XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начала XX в.). Новосибирск : Наука. Сиб. отд., 1975. С. 223–237.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Изд. 2-е испр. В 2-х т. СПб. : Изд. Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.

Ордынский А. Забайкалье и монголо-буряты буддисты (этнографические наброски) // Сибирский наблюдатель. 1902. № 7. С. 60–74.

Серошевский В.Л. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды : сборник статей под общей редакцией И.С. Мельника. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 201–233.

Соколов М.И. Заметки о беглых и бродягах в России и Сибири // Современник. 1863. Т. 97. № 8 (август). Отд. 2: Современное обозрение. С. 85–120.

Саломон А.П. Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения: для Высочайше учрежденной комиссии о мерах по отмене ссылки. СПб. : Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900. [2], XII, 342, 53 с.

Сысоев А.А. Пенитенциарный рецидив как проявление множественной уголовной преступности в Восточной Сибири на рубеже XIX–XX столетий // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 2 (36). С. 177–182. EDN: NEXJLI.

Сысоев А.А. Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 151–160. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-151-160. EDN: DYJNIT.

Сысоев А.А., Кавецкий Д.Б. Полицейская служба воинских формирований на территории Восточной Сибири 18–19 вв. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 2 (69). С. 104–115. EDN: SIQWJL.

Шелгунов Н.В. Сочинения / издание «Русской книжной торговли». СПб.: Тип. В. Демакова, 1871. Т. 1. 376 с.

Ядринцев Н.М. Бродячее население Сибири // Дело. 1868а. № 9. С. 233–266.

Ядринцев Н.М. Бродячее население Сибири // Дело. 1868б. № 11. С. 71–114.

Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке : исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. Исторический очерк сибирской ссылки. Сравнение разных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основы новой рациональной

Maximov S.V. (2002) Penal servitude of the Empire. Moscow: Publishing house EKSMO-Press. Ser. Archive of the Russian Investigation Department. 478 p. (In Russ.).

Maximov S.V. (1871) Siberia and penal servitude: In 3 pt. St. Petersburg: A. Tranchel. Pt. 3. Political and State criminals. [4]. 388. IV p. (In Russ.).

Margolis A.D. (1975) On the number and placement of exiles in Siberia of the late XIX century. *Exile and hard labor in Siberia of the XVIII - early XX century*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. P. 223-237. (In Russ.).

Mironov B.N. (2000) Social History of Russia during the Empire (XVIII - early XX century): The genesis of personality, democratic family, civil society and legal states. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House. Vol. 1. 548 p. (In Russ.).

Ordynskii A. (1902) Transbaikalia and Mongol-Buryat Buddhists. *Siberian Observer*. No. 7. P. 60-74. (In Russ.).

Seroshevskii V.L. (1908) Exile and penal servitude in Siberia. *Sibir' ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: sbornik statei pod obshchei redaktsiei I.S. Mel'nika = Siberia its current state and needs: a collection of articles under the general editorship of S. Melnik*. St. Petersburg: Publishing house of A.F. Devrien. P. 201-233. (In Russ.).

Sokolov M.I. (1863) Notes on fugitives and vagabonds in Russia and Siberia. *Sovremennik*. Vol. 97. No. 8. Otd. 2: Sovremennoe obozrenie. P. 85-120. (In Russ.).

Salomon A.P. (1900) Exile to Siberia: an essay on its history and current situation: for the most highly established commission on measures to abolish exile. St. Petersburg: Printing House of St. Petersburg Prison. [2]. XII. 342. 53 p. (In Russ.).

Sysoev A.A. (2019) Penitentiary relapse as a manifestation of multiple criminal offenses in Eastern Siberia at the turn of the XIX and XX centuries. *Problems of socio-economic development of Siberia*. No. 2 (36). P. 177-182. (In Russ.). EDN: NEXJLI.

Sysoev A.A. (2022) Premeditated murders on the territory of Eastern Siberia in pre-Soviet times. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 151-160. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-1-151-160. EDN: DYJNIT.

Sysoev A.A., Kavetskii D.B. (2014) Police service of military units on the territory of Eastern Siberia 18-19 centuries. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (69). P. 104-115. (In Russ.). EDN: SIQWJL.

Shelgunov N.V. (1871) Essays / ed. "Rus. Book of trade". St. Petersburg: V. Demakov Type. Vol. 1. 376 p. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. (1868a) Vagrant population of Siberia. *Case*. No. 9. P. 233-266. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. (1868b) Vagrant population of Siberia. *Case*. No. 11. P. 71-114. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. (1872) The Russian community in prison and exile: studies and observations on the life of prison, exiled and vagrant communities. *Istoricheskii ocherk sibirskoi ssylki. Sravnenie raznykh sistem nakazaniya u nas i v Zapadnoi Evrope. Osnovy novoi ratsional'noi sistemy ispravleniya*

системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опытам русской тюремной общины. СПб. : Тип. А. Моригеровского, 1872. VII, [1], 719 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

Информация об авторе

Сысоев Алексей Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия, e-mail: daosss1972@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0473-4365>

Вклад автора

Сысоев А.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14 декабря 2023 г.; одобрена после рецензирования 27 апреля 2024 г.; принята к публикации 6 мая 2024 г.

soglasno vyvodom penitentsiarnoi nauki i opytam russkoi tyuremnoi obshchiny = A historical sketch of the Siberian exile. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The foundations of a new rational correction system according to the conclusions of penitentiary science and the experiences of the Russian prison community. St. Petersburg: A. Morigerovsky Printing House. VII. [1]. 719 p. (In Russ.).

Yadrintsev N.M. (1892) Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. St. Petersburg: Publishing House of I.M. Sibiryakova. 720 p. (In Russ.).

Information about the author

Alexey A. Sysoev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Deputy Head of the Department tactical and special training, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: daosss1972@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0473-4365>

Contribution of the author

Sysoev A.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 14, 2023; approved after reviewing April 27, 2024; accepted for publication May 6, 2024.